

The illustration shows a room with vertical wood paneling. Three framed pictures are on the wall: an oval one on the left with a mole's face, a large rectangular one in the center with a landscape, and a small square one on the right with a green scene. A potted plant is on a pedestal in the bottom right corner.

1

На речном берегу

Крот ни разу не присел за всё утро, потому что приводил в порядок свой домик после долгой зимы. Сначала он орудовал щётками и пыльными тряпками. Потом занялся побелкой. Он то влезал на приступку, то карабкался по стремянке, то вспрыгивал на стулья, таская в одной лапе ведро с извёсткой, а в другой малярную кисть. Наконец пыль совершенно запорошила ему глаза и застряла в горле, белые кляксы покрыли всю его чёрную шёрстку, спина отказалась гнуться, а лапы совсем ослабели.

Весна парила в воздухе и бродила по земле, кружила вокруг него, проникая каким-то образом в его запрятанный в глубине земли домик, заражая его неясным стремлением отправиться куда-то, смутным желанием достичь чего-то, неизвестно чего.

Не стоит удивляться, что Крот вдруг швырнул кисть на пол и сказал:

— Всё!

И ещё:

— Тьфу ты, пропасть!

И потом:

— Провались она совсем, эта уборка!

И кинулся вон из дома, даже не удосужившись надеть пальто. Что-то там, наверху, звало его и требовало к себе. Он рванулся вверх по крутому узкому туннелю. Туннель заменял ему дорожку, посыпанную гравием и ведущую к главным воротам усадьбы, которая есть у зверей, живущих значительно ближе к воздуху и солнышку, чем Крот.

Он спешил, скрёб землю коготками, стремительно карабкался, срывался, снова скрёб и рыл своими маленькими лапками, приговаривая:

— Вверх, вверх, и ещё, и ещё, и ещё!

Пока наконец — хоп! — его мордочка не выглянула на свет, а сам он не заметил, как стал радостно кататься по тёплой траве большого луга.

— Ух, здорово! — восклицал он. — Здорово! Намного лучше, чем белить потолок и стены!

Солнце охватило жаром его шёрстку, лёгкий ветерок ласково обдул разгорячённый лоб, а после темноты и тишины подземных подвалов, где он провёл так много времени, восторженные птичьи трели просто его оглушили.

Крот подпрыгнул сразу на всех четырёх лапах в восхищении от того, как хороша жизнь и как хороша весна, если, конечно, пренебречь весенней уборкой. Он устремился через луг и бежал до тех пор, пока не достиг кустов живой изгороди на противоположной стороне луга.

— Стоп! — крикнул ему немолодой кролик, появляясь в просвете между кустами. — Гони шесть пенсов за право прохода по чужой дороге!

Но Крот даже взглядом его не удостоил и, презрительно сдвинув с пути, в нетерпении зашагал дальше, мимоходом поддразнивая всяких других кроликов, которые выглядывали из норок, чтобы узнать, что там случилось.

— Луковый соус! Луковый соус! — бросал им Крот, и это звучало довольно глумливо, потому что кому приятно напоминание, что твою родню подают к столу под луковым соусом!

К тому времени, когда он был уже далеко, кролики придумывали колкость ему в ответ и начинали ворчать и упрекать друг друга:

— Какой же ты глупый, что ты ему не сказал...

— А ты сам-то, сам-то чего ж...

— Но ты же мог ему напомнить...

И так далее в этом же роде. Но было уже, конечно, поздно, как это всегда бывает, когда надо быстро и находчиво оборвать насмешника.

...Нет! На свете было так хорошо, что прямо не верилось! Крот деловито топал вдоль живой изгороди то в одну, то в другую сторону. Пересекая рощицу, он видел, как всюду строили свои дома птицы, цветы набирали бутоны, проклёвывались листики. Всё двигалось, радовалось и занималось делом. И вместо того, чтобы услышать голос совести, укоряющий: «А побелка?» — он чувствовал один только восторг от того, что был единственным праздным бродягой посреди всех этих погружённых в весенние заботы жителей. В конце концов самое лучшее во всяком отпуске — это не столько отдыхать самому, сколько наблюдать, как другие работают.

Крот подумал, что он полностью счастлив, как вдруг, продолжая бродить без цели, он оказался на самом

берегу переполненной вешними водами реки. Он прежде никогда её не видел; такого, как ему представилось, гладкого, лоснящегося, извивающегося, огромного зверя, который куда-то нёсся, за кем-то гнался, настигал, хватал, тут же оставлял, смеялся, моментально находил себе другого приятеля, кидался на него и, пока тот отряхивался от речных объятий, бросался на него снова. Всё вокруг колебалось и переливалось. Блики, бульканье, лепет, кружение, журчание, блеск.

Крот стоял очарованный, околдованный, замороженный. Он пошёл вдоль реки. Так идёт маленький рядом со взрослым, рассказывающим волшебную сказку. И наконец, утомившись, присел на берегу. А река всё продолжала рассказывать свои прекрасные переливчатые сказки, которые она несла из глубины земли к морю, самому ненасытному на свете слушателю сказок.

Крот сидел на травке, поглядывал на противоположный берег и вдруг заметил, что прямо под кромкой берега темнелся вход в норку, как раз над поверхностью воды.

«Ах, — стал мечтательно раздумывать Крот, — каким прелестным жильём могла бы оказаться такая норка для зверя со скромными запросами, любящего малюсенькие прибрежные домики, вдали от пыли и шума...»

И пока он приглядывался, ему показалось, что нечто небольшое и яркое мерцает там, прямо посреди входа, потом оно исчезло, затем снова мигнуло, точно крошечная звёздочка. Но вряд ли звёздочка могла появиться в таком неподходящем месте. Она была слишком маленькой и слишком яркой, чтобы оказаться, например, светлячком.

Крот всё смотрел и смотрел. Он обнаружил, что «звёздочка» подмигивает именно ему. Таким образом выяснилось, что это глаз, который немедленно начал обрастать мордочкой, точно картинка рамой, — коричневой мордочкой с усами. Степенной круглой мордочкой с тем самым мерцанием в глазу, которое и привлекло внимание Крота. Маленькие аккуратные ушки и густая шелковистая шерсть. Ну конечно, это был дядюшка Рэт — Водяная Крыса.

Оба зверя постояли, поглядели друг на друга с некоторой опаской.

— Привет, Крот, — сказал дядюшка Рэт — Водяная Крыса.

— Здравствуй, Рэт, — сказал Крот.

— Не хочешь ли зайти ко мне? — пригласил дядюшка Рэт.

— Хорошо тебе говорить «зайти», — сказал Крот, слегка обидевшись.

Дядюшка Рэт на это ничего не ответил, нагнул, отвязал верёвку, потянул её на себя и легко ступил в маленькую лодочку, которую Крот до сих пор не замечал. Она была выкрашена в голубой цвет снаружи, в белый — изнутри, и была она размером как раз на двоих, и Кроту она сразу же пришлась по душе, хотя он пока ещё не совсем понимал, для чего существуют лодки. Дядюшка Рэт аккуратно грёб, направляясь к противоположному берегу, и, причалив, протянул переднюю лапу, чтобы поддержать Крота, боязливо ступившего на дно лодки.

— Опирайся! — сказал он. — Смелее!

И Крот не успел оглянуться, как уже сидел на корме настоящей лодки.

— Вот это денёк! — восклицал он, пока Рэт отталкивал лодку и вновь усаживался за вёсла. — Можешь себе

представить, ведь я ни разу в жизни не катался на лодке. Ни разу!

— Что?

Дядюшка Рэт — Водяная Крыса так и остался с разинутым ртом:

— Никогда не ка... Ты ни разу в жизни не... Я не представляю... Слушай, а зачем ты жил до сих пор на свете?

— Думаешь, без лодки и жить, что ли, нельзя? — неуверенно возразил Крот. Он уже готов был поверить, что и в самом деле без лодки не проживёшь!

Крот восседал, развалившись на мягкой подушке, и рассматривал вёсла, уключины и вообще все те чудесные вещи, которыми была оборудована лодка, и с приятностью ощущал, как дно под ним слегка покачивается.

— Думаю? Да я просто в этом убеждён! — сказал дядюшка Рэт, наклоняясь вперёд и энергично взмахивая вёслами. — Поверь мне, мой юный друг, что нету дела, которым и вполтину стоило бы заниматься, как попросту — попросту — повозиться с лодкой, ну просто повозиться, ну просто...

— Осторожно, Рэт! — вдруг закричал Крот.

Но было уже поздно. Лодка со всего маху врезалась в берег. Зазевавшийся, размечтавшийся гребец лежал на дне лодки, и пятки его сверкали в воздухе.

— ...повозиться с лодкой, — договорил он, весело смеясь. — С лодкой, в лодке или возле лодки. Это не имеет значения. Ничего не имеет значения. В этом-то вся прелесть. Не важно, поплывёшь ты в лодке или не поплывёшь, доплывёшь, куда плыл, или приплывёшь совсем в другое место, или вовсе никуда не приплывёшь, — важно, что ты

всё время занят, и при этом ничего такого не делаешь, а если ты всё-таки что-то сделал, то у тебя дел всё равно останется предостаточно, и ты можешь их делать, а можешь и не делать — это решительно всё равно. Послушайка! Если ты сегодня ничего другого не наметил, давай-ка махнём вниз по реке и хорошо проведём время. А?

Крот пошевелил всеми пальцами на всех четырёх лапах, выражая этим своё полное удовольствие, глубоко, радостно вздохнул и в полном восторге откинулся на подушки.

— О, какой день!.. Какой день!.. — прошептал он. — Поплыли! Сейчас же!

— Тогда минуточку посиди спокойно, — сказал дядюшка Рэт.

Он закрепил петлёй верёвку на металлическом колечке у причала, взобрался по откосу к своей норе и вскоре появился снова, сгибаясь под тяжестью плетёной корзины, у которой просто распирало бока.

— Засунь её под лавку, — сказал он Кроту, передавая корзину в лодку. После этого он отвязал верёвку и снова взялся за вёсла.

— Что в ней? — спросил Крот, ёрзая от любопытства.

— Жареный цыплёнок, — сказал дядюшка Рэт коротко, — отварной-язык-бекон-ростбиф-корнишоны-салат-французские-булочки-заливное-содовая...

— Стой, стоп! — завопил Крот возбуждённо. — Этого слишком много!

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил его дядюшка Рэт с серьёзной миной. — Но я всегда всё это беру с собой на непродолжительные прогулки, и мои друзья каждый раз мне говорят, что я скупердяй и делаю слишком ничтожные запасы.

Но Крот уже давно не слушал. Его внимание поглотила та новая жизнь, в которую он вступал. Его опьяняли сверкание и рябь на воде, запахи, звуки, золотой солнечный свет. Он опустил лапу в воду и видел бесконечные сны наяву.

Дядюшка Рэт — Водяная Крыса, добрый и неизменно деликатный, грёб себе и грёб, не мешая Кроту, понимая его состояние.

— Мне нравится, как ты одет, дружище, — заметил он после того, как добрых полчаса прошло в молчании. — Я тоже думаю заказать себе чёрный бархатный костюм, вот только соберусь с деньгами.

— Что? — спросил Крот, с трудом возвращаясь к действительности. — Прости меня, я, должно быть, кажусь тебе неучтивым, но для меня это всё так ново. Так, значит, это и есть речка?

— Не речка, а река, — поправил его дядюшка Рэт, — а точнее, Река с большой буквы, понимаешь?

— И ты всегда живёшь у реки? Это, должно быть, здорово!

— Возле реки, и в реке, и вместе с рекой, и на реке. Она мне брат, и сестра, и все тётки, вместе взятые, она и приятель, и еда, и питьё, и, конечно, как ты понимаешь, баня и прачечная. Это мой мир, и я ничего другого себе не желаю. Что она не может дать, того и желать нет никакого смысла, чего она не знает, того и знать не следует. Господи! Сколько прекрасных часов мы провели вместе! Хочешь — летом, хочешь — зимой, осенью ли, весной ли, у неё всегда есть в запасе что-нибудь удивительное и интересное. Например, в феврале, когда полые воды высоки, в моих подвалах столько воды, что мне в жизни не выпить! А мутные волны несутся мимо окон моей парадной спальни! А потом, наоборот, вода спадает, и показываются островки мягкого ила, которые пахнут, как сливовый пудинг, а тростник и камыши загораживают путь весенним потокам, и тогда я могу ходить почти что по её руслу, не замочив ботинок, находить там вкусную свежую пищу, отыскивать вещи, выброшенные легкомысленными людьми из лодок...

— И тебе никогда не бывает скучно? — отважился перебить его Крот. — Только ты и река, и слова больше не с кем сказать?

— Слова не с кем... Нет, я не должен судить тебя слишком строго, — добродушно заметил дядюшка Рэт. — Ты тут впервые. Откуда же тебе знать! Да ведь берега реки так густо заселены всяким народом, что многие даже переселяются в другие места. О нет, нет! Сейчас совсем не то, что бывало в прежние времена! Выдры, зимородки, разные там другие птицы, шотландские

курочки — решительно все вертятся у тебя целый день под ногами, и все требуют, чтобы ты для них что-нибудь делал, как будто у тебя нет никаких своих забот!

— А вон там что? — спросил Крот, показывая на густой тёмный лес, обрамлявший прибрежные заливные луга.

— Это? А, это просто Дремучий Лес, — заметил дядюшка Рэт коротко. — Мы, береговые жители, не так уж часто туда заглядываем.

— А разве... а разве там живут не очень хорошие эти... ну... — проговорил Крот, слегка разволновавшись.

— М-да, — ответил дядюшка Рэт. — Ну, как тебе сказать... Белки, они хорошие. И кролики. Но среди кроликов всякие бывают. Ну и, конечно, там живёт Барсук. В самой середине. В самой, можно сказать, сердцевине. Ни за какие деньги он не согласился бы перебраться куда-нибудь в другое место. Милый старый Барсук! А никто его и не уговаривает, никто его и не трогает. Пусть только попробуют! — добавил он многозначительно.

— А зачем его трогать? — спросил Крот.

— Ну там, конечно, есть и другие, — продолжал дядюшка Рэт, несколько колеблясь и, по-видимому, выбирая выражения. — Ласки там, горностаи, лисы, ну и прочие. Вообще-то они ничего, я с ними в дружбе. Проводим время вместе иногда и так далее, но, понимаешь, на них иногда находит, короче говоря, на них нельзя положиться, вот в чём дело.

Кроту было хорошо известно, что у зверей не принято говорить о возможных неприятностях, которые могут случиться в будущем, и поэтому он прекратил расспросы.

— А что за Дремучим Лесом? — решил он спросить спустя долгое время. — Там, где синева, туман и вроде бы

дымят городские трубы, а может, и нет, может, это просто проплывают облака?

— За Дремучим Лесом — Белый Свет. А это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла. И, пожалуйста, хватит об этом. Ага! Вот наконец и заводь, где мы с тобой устроим пикник.

Они свернули с основного русла, поплыли, как казалось на первый взгляд, к озерку, но это было на самом деле не озеро, потому что туда вела речная протока. К воде сбегали зелёные лужочки. Тёмные, похожие на змей коряги виднелись со дна сквозь прозрачную, тихую воду. А прямо перед носом лодки, весело кувыряясь и пенясь, вода спрыгивала с плотины. Она лилась на беспокойное, разбрасывающее брызги мельничное колесо, а колесо вертело жернова деревянной мельницы. Воздух был наполнен успокаивающим бормотанием, глухим и неясным, из которого время от времени возникали чьи-то чистые, бодрые голоса.

Было так прекрасно, что Крот смог только поднять кверху передние лапки и, почти не дыша, произнести:

— Ух ты!

Дядюшка Рэт бортом подвёл лодку к берегу, привязал её, помог выйти ещё не вполне освоившемуся Кроту и вытащил на берег корзину с провизией.

Крот попросил разрешения распаковать корзинку, на что дядюшка Рэт охотно согласился. Он с большим удовольствием растянулся на травке, в то время как Крот с воодушевлением выудил из корзинки скатерть и расстелил её на траве, потом один за другим стал доставать

таинственные свёртки и разворачивать их, каждый раз замирая и восклицая:

— О! О! О!

Когда было всё готово, дядюшка Рэт скомандовал:

— Ну, старина, набрасывайся!

И Крот тут же с удовольствием подчинился этой команде, потому что он начал уборку, как водится, очень рано, и с тех пор маковой росинки у него во рту не было, а с утра произошло столько всяких событий, что ему казалось, что миновал не один день.

— Что ты там увидел? — спросил вдруг дядюшка Рэт, когда они заморили червячка и Крот смог на минуточку оторвать свой взгляд от скатерти.

— Я смотрю на ровный ряд пузырей, которые движутся по поверхности воды. Мне это кажется странным.

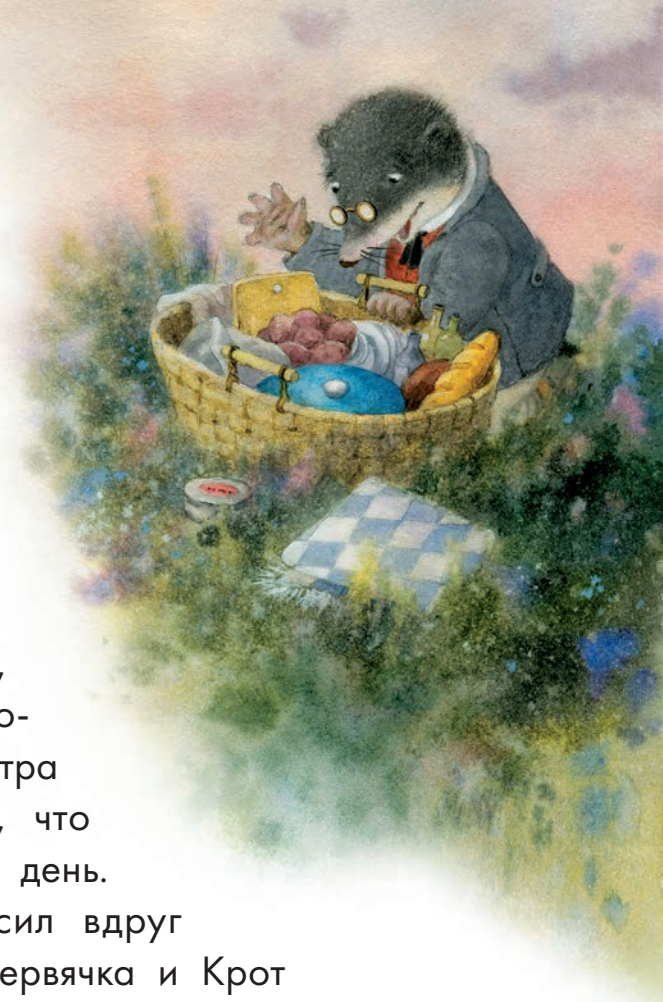
— Пузыри? Ага! — произнёс дядюшка Рэт каким-то щебечущим голосом, точно приглашая кого-то разделить с ними завтрак.

Возле берега из воды показалась широкая гладкая морда, и дядюшка Выдра вылез на сушу, передёргивая шкуркой и отряхивая с себя воду.

— Вот жадюги! — сказал он, направляясь к разложенным на скатерти яствам. — Ты чего ж не пригласил меня, Рэтти?

— Да мы как-то неожиданно собрались, — пояснил дядюшка Рэт. — Кстати, познакомься, мой друг — мистер Крот.

— Очень приятно, — сказал дядюшка Выдра.

И они тотчас стали друзьями.

— Какая везде суматоха! — продолжал дядюшка Выдра. — Кажется, весь белый свет сегодня на реке. Я приплыл в эту тихую заводь, чтобы хоть на минутку перевести дух и уединиться, и вот, здравствуйте, наткнулся на вас. Извините, я не совсем то хотел сказать, ну, вы понимаете.

Сзади в кустах, ещё кое-где покрытых сухой прошлогодней листвой, что-то зашуршало, из чащи выглянула втянутая в плечи полосатая голова, уставилась на них.

— Иди сюда, Барсук, старый дружище! — крикнул дядюшка Рэт.

Барсук выдвинулся было на два-три шага, но, пробормотав: «Хм! Компания собралась!» — тут же повернулся и скрылся из виду.

— Вот он всегда так, — разочарованно заметил Рэт. — Ну просто не выносит общества. Сегодня мы его, конечно, больше не увидим. Кто тебе нынче встретился на реке? — спросил он дядюшку Выдру.

— Ну, во-первых, конечно, наш достославный мистер Тоуд — Жабба. В новенькой лодочке, одет весь с иголки, в общем, всё новое и сплошная роскошь.

Дядюшка Рэт и дядюшка Выдра поглядели друг на друга и рассмеялись.

— Когда-то он ходил под парусом, — сказал дядюшка Рэт. — Потом яхта ему надоела, и загорелось — вынь да положь — плоскодонку с шестом. Больше ничем не желал заниматься, хлебом не кормите, дайте только поплавать на плоскодонке с шестом. Чем кончилось? Ерундой! А в прошлом году ему взбрело в голову, что он просто умрёт без дома-поплавка. Завёл себе барку с домом, и все мы без конца гостили на этой барке, и все мы притворялись, будто это нам страшно нравится. Ему уже виделось, как он весь остаток жизни проведёт в доме на воде, только ведь не успеет мистер Тоуд чем-либо увлечься, как уже остывает и берётся за что-нибудь следующее.

— И при всём том хороший парень, — заметил дядюшка Выдра задумчиво. — Но никакой устойчивости... особенно на воде.

С того местечка за островком, где они расположились, было видно основное русло реки, и как раз в это время в поле зрения внезапно всплыла спортивная двойка. Гребец, невысокий, толстенький, изо всех сил грёб, сильно раскачивая лодку и поднимая тучи брызг, и видно было, что он очень старается. Дядюшка Рэт встал и окликнул его, приглашая присоединиться к обществу, но мистер Тоуд — потому что это был он — помотал головой и с прежним старанием принялся за дело.

— Он опрокинется ровно через минуту, — заметил дядюшка Рэт, снова усаживаясь на место.

— Это уж непременно, — хихикнул дядюшка Выдра. — А я вам никогда не рассказывал интересную историю, которая называется «Мистер Тоуд и сторож при шлюзе»? Вот как это было...

Сбившаяся с пути франтоватая мушка-веснянка крутилась как-то неопределённо, летая над водой то вдоль, то поперёк течения, видно опьянённая весной. И вдруг посреди реки возник водоворот, послышалось — плюх! — и мушка исчезла. И дядюшка Выдра, между прочим, тоже. Крот оглянулся. Голос дядюшки ещё звенел у него в ушах, а между тем место на травке, где он только что сидел разваливаясь, было решительно никем не занято. И вообще гляди хоть до самого горизонта, ни единой выдры не увидишь.

Но вот на поверхности воды снова возник ряд движущихся пузырьков. Дядюшка Рэт мурлыкал какой-то мотивчик, а Кроту вспомнилось, что по звериному обычаю запрещено обсуждать неожиданное исчезновение товарища, куда бы он ни девался и по какой причине или даже вовсе без всяких причин.

— Ну так, — сказал дядюшка Рэт, — я думаю, нам уже пора собираться. Как вам кажется, кому из нас лучше упаковывать корзинку? — Он говорил так, что было ясно: ему самому с этим возиться неохота.

— Позволь, позволь мне! — выпалил Крот.

И дядюшка Рэт, конечно, позволил.

Но укладывать корзинку оказалось вовсе не так приятно, как распаковывать.

Это обычно так и бывает. Но Крот сегодня был расположен всему радоваться. Поэтому он справился с делом без особого раздражения. Хотя когда он уже всё сложил и крепко стянул корзинку ремнями, то увидел тарелку, которая уставилась на него из травы. А потом, когда положение было исправлено, дядюшка Рэт обратил его внимание на вилку, которая, между прочим, лежала на самом виду. Но этим дело не кончилось, потому что

обнаружилась ещё и банка с горчицей, на которой Крот сидел, сам того не замечая.

Предвечернее солнце стало понемногу садиться. Дядюшка Рэт не спеша грёб к дому, находясь в мечтательном расположении духа, бормоча себе под нос обрывки стихов и не очень-то обращая внимание на Крота.

А Крот был весь полон едой, удовольствием и гордостью и чувствовал себя в лодке как дома (так ему, во всяком случае, казалось), а кроме того, на него мало-помалу стало находить какое-то беспокойство, и вдруг он сказал:

— Рэтти, пожалуйста, позволь теперь мне погresti.

Дядюшка Рэт улыбнулся и покачал головой:

— Погоди, ещё не пора. Сначала я должен дать тебе несколько уроков. Это вовсе не так просто, как тебе кажется.

Крот минутку-другую посидел спокойно. Но чем дальше, тем больше он завидовал своему другу, который так ловко, так легко гнал лодку по воде, и гордыня стала ему нащёптывать, что он мог бы и сам грести ни капельки не хуже.

И он вскочил и ухватился за вёсла так неожиданно, что дядюшка Рэт, который глядел куда-то вдаль и продолжал бормотать стихи, от неожиданности полетел со скамьи так, что ноги его оказались в воздухе, а торжествующий Крот водрузился на его место.

— Прекрати, дуралей! — закричал на него дядюшка Рэт со дна лодки. — Ты не умеешь... Ты сейчас перевернёшь лодку!

Крот рывком закинул вёсла назад, приготовился сделать мощный гребок. Но он промахнулся и даже не задел вёслами поверхности воды. Его задние ноги взметнулись

выше головы, и сам он очутился на дне лодки поверх распростёртого там хозяина. Страшно испугавшись, он схватился за борт, и в следующий момент — плюх! — лодка перевернулась, Крот очутился в воде и понял, что вот-вот захлебнётся. Ох какая вода оказалась холодная и ох до чего же она была мокрая!

И как звенела она у Крота в ушах, когда он опускался на дно, на дно, на дно! И каким добрым и родным казалось солнышко, когда он, отфыркиваясь и откашливаясь, выныривал на поверхность. И как черно было его отчаяние, когда он чувствовал, что погружается вновь. Но вот твёрдая лапа схватила его за загривок. Это был Рэт, и он смеялся. Во всяком случае, Крот чувствовал, как смех от сильного плеча дядюшки Рэта спускается по лапе и проникает ему, Кроту, в загривок.

Дядюшка Рэт схватил весло и сунул его Кроту под мышку, потом то же самое он проделал с другой стороны и, пристроившись сзади, отбуксировал несчастного зверя на берег. Он выволок его и усадил на землю. Это был не Крот, а размокший, плачевного вида тюфяк, набитый печалью.

Дядюшка Рэт слегка отжал из него воду и примирительно сказал:

— Ладно уж, глупышка, побегай вдоль берега, пока не пообсохнешь и не согреешься. А я поныряю, поищу корзинку.

Так несчастному Кроту, абсолютно мокрому снаружи и посрамлённому изнутри, пришлось маршировать взад-вперёд, пока он немного не пообсох.

Тем временем дядюшка Рэт опять вошёл в воду, доплыл до опрокинутой лодки, перевернул её, привязал у берега и по частям выловил своё скользкое по волнам имущество. Затем он нырнул на самое дно и, отыскав корзину, не без труда вытащил её на берег.

